

ЛУЧШАЯ НА СВЕТЕ
ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Проигравших Нет

M A R I A N A
Z A P A T A

From Lukov
with Love

М А Р И А Н А

ЗАПАТА

от Лукова
с ЛЮБОВЬЮ



Москва
2020

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
3-30

Mariana Zapata
FROM LUKOV WITH LOVE
Copyright © 2018 Mariana Zapata

Перевод с английского *Ирины Наумовой*

Художественное оформление *Петра Петрова*

Запата, Мариана.

3-30 От Лукова с любовью / Мариана Запата ; [перевод с английского И. Наумовой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 640 с.

ISBN 978-5-04-108841-5

Джесмин не мыслит жизни без фигурного катания. Но ее партнер Пол бросает ее прямо перед соревнованиями.

Перед Джесмин встает нелегкий выбор — пропустить сезон и, возможно, навсегда выбыть из спорта или начать тренировки в паре с братом своей подруги, выходцем из России Иваном Луковым.

Иван — олимпийский чемпион и настоящая звезда, но он на дух не переносит Джесмин, за что она в ответ зовет его Сатаной. Их тандем предвещает много, ОЧЕНЬ много ссор. И пусть лед не терпит ошибок, Джесмин решает рискнуть.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-108841-5

© Наумова И., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

*Моей лучшей подруге и вообще –
лучшей из всех, кого я знаю,
моей маме, поистине
классной женщине*



Глава первая

**Зима / весна
2016 г.**

К тому моменту, когда я пять раз кряду грохнулась на задницу, я решила, что пришло время сделать перерыв.

Хотя бы на этот день.

Еще пару часов, стоивших мне многочисленных падений, моя задница могла стерпеть и днем позже. Могла бы, если бы я, черт побери, поняла, что я делаю неправильно. Уже второй день подряд я не могла приземлиться после проклятого прыжка.

Переворачиваясь на ягодицу, на которую я падала не меньше тысячи раз, я выдохнула в отчаянии, сдержавшись и не выругавшись «сукин сын», а именно это мне подспудно хотелось закричать, и запрокинула голову к потолку, в ту же секунду подумав, что подобное решение — чертовская ошибка. Потому что я знала, что свисает с потолка куполообразного строения. В основном это было то же самое, что маячило у меня перед глазами последние тринадцать лет.

Баннеры.

Баннеры, свисающие со стропил.

Баннеры с тем же самым дурацким именем на них.

ИВАН ЛУКОВ. ИВАН ЛУКОВ. ИВАН ЛУКОВ.
И снова ИВАН ЛУКОВ.

Были и другие имена, по праву находившиеся рядом с ним — другие несчастные души, партнером которых он был много лет, но именно его имя неизменно бросалось мне в глаза. Не потому, что у него была та же фамилия, что у моей любимицы, из числа живущих на земле людей, а потому, что его имя напоминало мне о Сатане. Я была совершенно уверена, что родители усыновили его, забрав прямо из ада.

Но в тот момент ничто больше не имело значения, кроме этих свисающих с потолка шпалер.

Пяти разных голубых баннеров, каждый из которых свидетельствовал о выигранном им национальном чемпионате. Два красных баннера за два чемпионата мира. Два бледно-желтых баннера за две золотые медали. Один серебристый баннер в честь его единственной серебряной медали на чемпионате мира, лежащей в наградном ящичке на входе в здание.

Фу. Трудяга. Осел. Ничтожество.

И слава богу, блин, что там не было баннеров за каждый его кубок или каждое соревнование, в котором он также побеждал долгие годы, иначе весь потолок был бы завешан разноцветными баннерами и мне пришлось бы ежедневно блевать.

Столько баннеров... и ни одного с моим именем. Ни единого. Не имело значения, как упорно я трудилась, как старательно я тренировалась, ничего не имело значения. Потому что никто не помнит о том, кто стоит на втором месте, если только ты — не Иван Луков. Я не была Иваном.

Зависть, на которую я не имела права, но которую не могла оставить без внимания, пронзила меня пря-

мо в грудь, и мне стало противно. *Мне стало офигительно противно.* Волноваться из-за того, что делают другие, было пустой тратой времени и сил, я поняла это еще ребенком, когда другие девочки, одетые в более красивые костюмы, никогда не катались на коньках так хорошо, как я. Завидовать и обижаться было уделом тех, кому больше нечего было делать, вот так-то. Я это знала. Никто не преуспееет в жизни, если станет тратить время, сравнивая себя с другими. Это я тоже знала.

И мне никогда не хотелось быть таким человеком. Тем более быть такой дурой. Я бы лучше унесла с собой в могилу эту трехсекундную зависть, чем рассказала бы кому-то, как на меня действовали эти баннеры.

Напомнив себе об этом, я перевернулась на колени, чтобы больше не видеть дурацких тряпок.

Шлепнув руками по льду, я заворчала, подтянув под себя ноги — удерживать равновесие на коньках было моей второй натурой, — и наконец встала. *Снова.* В пятый, мать твою, раз меньше чем за пятнадцать минут. Слева все болело — тазовая кость, ягодица и бедро, а днем позже будет болеть еще сильнее.

— Дерьмо собачье, — пробормотала я себе под нос так, чтобы не услышал никто из девчушек, катавшихся вокруг меня. Меньше всего мне хотелось, чтобы одна из них пожаловалась на меня администрации. Маленькие доносчицы. Как будто, смотря телевизор, гуляя по улице или по пути в школу, они не слышали мата-перемата.

Страхивая лед, запорошивший мой бок после падения, я размеренно дышала, втягивая в себя вспыхнувшее в моем теле разочарование во всем — в себе, в своем теле, в том положении, в котором я находи-

лась, в своей жизни, в других девушках, которых я не могла послать куда подальше, особенно сегодня. Когда проспала, а еще когда с утра не сумела приземлиться после прыжка, когда я *дважды* на работе пролила кофе себе на юбку, когда я, открыв дверь машины, чуть не сломала себе коленную чашечку, а потом еще второй сеанс проклятой тренировки...

Если воспринимать жизнь как грандиозный замысел, то легко забыть об этом: что я не смогла приземлиться после прыжка, который делала уже на протяжении десяти лет, ничего не значило. Просто неудачный день. *Очередной* неудачный день. В этом не было ничего невероятного. Всегда находилось что-то плохое, что могло случиться и действительно случилось однажды, когда-нибудь. Легко принимать все как должное, когда ты думаешь, что у тебя все есть.

Но когда начинаешь принимать как должное самые основополагающие вещи, жизнь решает напомнить тебе о том, что ты — неблагодарная идиотка.

А сегодня я считала само собой разумеющимся, что приземлюсь после тройного сальхова¹, прыжка, который я исполняла уже десять лет. Это не самый легкий прыжок в фигурном катании — он включает в себя три оборота, которые начинаются, когда ты, перед тем как оторваться, отъезжаешь назад на заднем внутреннем ребре конька, и требует, чтобы фигуристка, сделав мах другой ногой, приземлилась на эту же ногу, на заднее наружное ребро конька — но, безусловно, таких трудностей, как сегодня, и в помине не

¹ Сальхов — элемент фигурного катания, реберный прыжок, назван в честь шведского фигуриста Ульриха Сальхова. (Здесь и далее примечания переводчика.)

было. В обычных обстоятельствах я делала этот прыжок интуитивно.

Но, видимо, не сегодня и не вчера.

Отирая ресницы тыльной стороной ладони, я глубоко вздохнула, а потом медленно выдохнула, вращая при этом плечами и говоря себе, что нужно успокоиться и просто пойти домой. Утро вечера мудренее.

И ведь не то чтобы я собиралась в ближайшее время участвовать в соревнованиях, — напомнили мне придурковатые зоны моего сознания.

Как и всякий раз, когда я думала об этом ужасающем факте, у меня свело живот от праведного гнева... и чего-то еще, что было ужасно похоже на безысходность.

И точно так же, как всякий раз, когда это происходило, я затолкала эти эмоции поглубже, поглубже, поглубже, так глубоко, что их нельзя было увидеть, или потрогать, или понюхать. *Они были тщетны. Я это знала.* Совершенно тщетны.

Я не сдавалась.

Сделав еще один вдох и выдох и неосознанно потерев болевшую ягодицу, о чем было труднее всего забыть, я в последний раз за день окинула взглядом каток. Видя девушек, которые были гораздо моложе меня и все еще продолжали в этот момент тренироваться, я снова насупилась. На поле тренировались три девушки примерно моего возраста, а другие были еще подростками. Возможно, они были не слишком хороши, по крайней мере не так хороши, как я в их возрасте, но тем не менее. *У них вся жизнь была впереди.* Только в фигурном катании и, может быть, в гимнастике вас могут считать старой в двадцать шесть лет.

Да, мне нужно было пойти домой и лечь на диван у телевизора, чтобы покончить с этим проклятым днем. Ничего хорошего у меня больше никогда не получится, если я буду упиваться жалостью к себе.

Мне понадобилось не более двух секунд, чтобы, лавируя среди других спортсменов на льду и объезжая их, добраться до низкого бортика по периметру катка, стараясь ни в кого не врезаться. На том самом месте, где я всегда оставляла чехлы от коньков, я их и нашла и, прежде чем шагнуть на твердую землю, натянула их на прикрепленные к ботинкам широкие четырехмиллиметровые лезвия.

Я старалась не обращать внимания на то, что ощущение скованности, опоясывающее мою грудь, было болезненнее, чем сильное разочарование от того, что я в этот день так часто падала, а может быть, и нет.

Я была не готова поверить в то, что, скорее всего, я попусту трачу время, дважды в день посещая Ледяной дворец спорткомплекса Луковых в надежде однажды снова принять участие в соревнованиях, потому что сама мысль о том, чтобы отступить, казалось, означала, что последние шестнадцать лет моей жизни были потрачены впустую. Что я практически была лишена детства из-за какой-то ерунды. Что я пожертвовала общением и нормальной человеческой жизнью ради своей мечты, которая когда-то была такой огромной, что ничто и никто не мог отнять ее у меня.

Что моя мечта выиграть золотую медаль... хотя бы на чемпионате мира, даже на национальном чемпионате... не раскололась вдребезги на мельчайшие частички размером с конфетти, за которые я по-прежнему цеплялась, несмотря на то что в глубине

души понимала, что все это скорее причиняет мне боль, чем помогает.

Нет.

Но от всех этих мыслей и сомнений у меня почти ежедневно болел живот и меня время от времени тошнило.

Мне нужно было расслабиться. Или, возможно, заняться мастурбацией. Что-то должно было помочь.

Дрожа от паршивого ощущения в животе, я, обойдя каток и затерявшись в толпе, пошла дальше по коридору, ведущему в раздевалки. Вокруг катка на бортике висели родители и дети, готовые к вечерним занятиям, тем самым занятиям, которые я начала посещать в девять лет, пока не перешла в небольшую группу и не начала брать частные уроки у Галины. Старые добрые времена.

Пригнув голову и избегая встречаться взглядом с кем бы то ни было, я шла дальше, проходя мимо людей, отклонявшихся от своего пути и также избегавших поднять на меня глаза. Но только идя по коридору туда, где я оставила свои вещи, я заметила стоявшую неподалеку группу из четырех девочек-подростков, притворявшихся, что делают растяжку. Притворявшихся, потому что невозможно сделать хорошую растяжку, если ты болтаешь, болтаешь без умолку.

Во всяком случае, я так думала.

— Привет, Джесмин! — поздоровалась одна из них, которая, как я помнила, всегда уступала мне дорогу, демонстрируя свое дружелюбие.

— Привет, Джесмин! — вторила ей стоявшая позади нее девушка.

Мне не оставалось ничего другого, кроме как кивнуть им, хотя в этот момент я прикидывала, сколько

времени мне понадобится, чтобы вернуться домой и либо приготовить что-нибудь поесть, либо разогреть в микроволновке то, что приготовила мама, и, возможно, усесться у телевизора. Может быть, если бы тренировка прошла лучше, мне захотелось бы чего-нибудь еще, например отправиться на пробежку или даже заехать к сестре, но... этому не суждено было случиться.

— Удачной тренировки, — пробормотала я, глядя на двух подружек и сверкнув глазами на двух других, молча стоявших напротив них. Они показались мне знакомыми. Скоро должно было начаться занятие для фигуристов средней возрастной группы, на которое, как я предполагала, они были записаны.

— Спасибо вам! — громко выкрикнула первая из заговоривших со мной девочек, прежде чем захлопнуть рот, покрашенный тем оттенком красного, который я видела только у одного человека — у своей сестры.

Улыбка, заигравшая у меня на губах, была искренней и неожиданной, потому что девочка навела меня на мысль о банке со «Скверт»¹, украшенной буквами такого же цвета, и я ткнулась плечом в распашную дверь раздевалки. Не успев сделать и шага вперед и все еще придерживая плечом открытую дверь, я услышала:

— Не знаю, почему ты сгорала от желания увидеть ее. Возможно, она была хорошей фигуристкой-одиночницей, но она всегда спотыкалась, а о ее карьере в парном катании и говорить нечего.

¹ «Squirt» (англ.) — газированный безалкогольный напиток без кофеина, со вкусом грейпфрута.

И... я остановилась. Прямо там, где стояла. В дверном проеме. И сделала то, что, как я отлично знала, было неудачной идеей — я прислушалась.

Подслушивание никогда никому не шло на пользу, но я все равно это сделала.

— Мэри Макдоналд лучше катается в паре...

Вот они о чем...

Дыши, Джесмин. Дыши. Молчи и дыши. Думай о том, что сказать. Думай о том, чего ты добилаась. Думай о...

— ...в противном случае в последнем сезоне Пол не взял бы ее себе в партнерши, — закончила девочка.

Оскорбление запрещено законом. Но слишком ли противозаконно ударить подростка?

Дыши. Думай. Будь добрее.

Я была достаточно взрослой, чтобы не сомневаться в этом. Я знала это. Я была достаточно взрослой для того, чтобы не позволить оскорблять себя какой-то маленькой идиотке, которая, вероятно, даже еще не достигла половой зрелости, но...

Что же, моя парная карьера — это моя больная мозоль. А под больной мозолью я подразумеваю кровоточащий волдырь, который отказывается заживать. Не сжечь ли мне заживо Мэри Макдоналд и засранца Пола? Вчера ночью я вдоволь насмотрелась «Семейку Брэди»¹, когда не смогла заснуть, чтобы запомнить все разборки Яна с Марсией. Я бы тоже возненавидела ее задницу. Точно так же, как возненавидела задницу Мэри Макдоналд.

— Вы видели в интернете все ее видео? Моя мама говорит, что она неправильно ведет себя и поэтому

¹ «Семейка Брэди» — американский комедийный телесериал.